

И.Н. СВИДУНОВИЧ

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Попытки философско-методологического осмысления таких сложных и многомерных феноменов, какими являются философско-литературные произведения, предполагают использование не только собственно философского контекста определенной культурно-исторической реальности, но и апелляцию к конкретным нормативам и принципам методологии гуманитарного познания. При этом гуманитарное познание трактуется как самопознание, выступающее в форме ценностно-смыслового воспроизведения и осознания человеческого бытия. Антропологическая парадигма в гуманитарном знании, оформившаяся к 70-м годам XX столетия, позволяет вполне адекватно интерпретировать его как знание о гуманистически-личностном в человеке. Один из представителей этого направления М.М. Бахтин пытался раскрыть содержание гуманитарного знания, рассматривая его в контексте проблемы смысла человеческого существования. "Предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие... Маска, рампа, сцена, идеальное пространство и т.п. как разные формы выражения представительности бытия"¹.

Всевозможные объективации человеческой духовной деятельности (тексты, произведения искусства, образцы поведения, психических реакций и др.) в системе гуманитарного знания имеют знаковую природу и реализуют системы значений и смыслообразующих мотивов. Выявление самостоятельного контекста данных систем значений подразумевает реконструкцию смысла различных объективаций человеческой деятельности. Для реконструкции такого рода недостаточно знания методических приемов либо специальных методологических нормативов. В этой ситуации весьма важно теоретически воссоздать и артикулировать способ идейного участия самого исследователя в продуцировании текста. Иными словами, в сфере гуманитарного познания исследователь непосредственно имеет дело с феноменами, которые некорректно рассматривать как существующие вне его сознания и не ангажированы его рефлексивными установками. Суть философской рефлексии заключается как раз в том, что изучаемый объект охватывается ею не сам по себе, а в неустрашимом и неразрывном единстве с самим субъектом. В гуманитарных науках рефлексивные моменты входят в само содержание знания, выступая в качестве отличительного признака его гуманитарного характера.

Литературе принадлежит особое место в системе гуманитарного познания: как деятельность, использующая язык, она включается в общую систему социального общения, а как художественно-образная деятельность сближается с другими видами художественной культуры. Образ и понятие как двуединый процесс художественного мышления акцентирует неоднозначность философ-

ских идей в системе художественности. Философию и литературу, если рассматривать их в рамках социально-гуманитарного знания, объединяет родство содержания. Знание о человеке и мире и в философии, и в литературе неотделимо от аналитического понимания смысла человеческого существования. Концептуальный образ человека выступает в качестве специфической "предметности" исследования в философии и литературе. Специфика изучения объектов гуманитарного познания, в частности литературно-художественных произведений, состоит в наличии двух моментов — интенции на понимание и на объективацию. Это предполагает построение как интерпретаций, так и теоретических представлений, между которыми осуществляется необходимое взаимодействие. Поэтому для того, чтобы акт понимания художественного произведения трансформировался в концептуально-теоретическую реальность гуманитарного знания, необходима процедура его экспликации в формах художественной критики, художественно-научной интерпретации и философско-эстетической рефлексии.

Отмеченные особенности философско-методологической рефлексии литературно-художественных произведений достаточно убедительно обнаруживают себя в попытках осуществить философский анализ идейного наследия Г. Гессе. Герман Гессе принадлежит к художникам необычайной судьбы, о которых до сих пор высказывают разноречивые, порой диаметрально противоположные суждения. Трудности понимания произведений писателя в его двойственной — художественной и философской — природе, порождающей, в частности, проблему абстракций в его произведениях. Поэтому необходимо зафиксировать ключевые аспекты его творчества, рассматривая их в философско-методологическом и ценностном плане.

Для таких представителей западноевропейской интеллигенции XX века, как Герман Гессе, проблема человека всегда оставалась "золотым следом"², т.е. нитью, связывающей воедино классику и современность и осуществляющей непрерывность духовного творчества. Проблему человека в творчестве этого писателя имеет смысл рассматривать в двух основных аспектах: в ее культурной размерности и в контексте духовно-творческой деятельности. Человек у Гессе воссоздается прежде всего как органичный смыслообразующий компонент в пространстве культуры. Человек в этом пространстве являет собой онтологическую проблему, поскольку собственно человеческое бытие и бытие культуры у Гессе — это единая реальность, в которой человеческая деятельность становится культурной нормой, традицией, а культурная ценность реализуется в человеческой жизнедеятельности.

Через все творчество писателя проходит решение главной мировоззренческой проблемы — возможности спасения и сохранения духовности в современном мире. Критический анализ духовной ситуации эпохи перерастает у него в поиск оснований новой культуры. Выход из кризиса культуры Гессе видит в обращении к культурному наследию, сам факт существования которого не может быть устранен, пока существует хотя бы одна совершенная личность, способная выполнить миссию сохранения духовности в современном мире. Принцип "обратной перспективы" культуры является исходным методологическим моментом всего творчества Г. Гессе. Суть этого принципа состоит в следующем: основание новой культуры нужно искать через духовное постижение прошлого³. Царство бессмертных, вечных Гете и Моцарта — вот тот высший идеал, к которому необходимо стремиться. "Грация ли генделевского или купереновского менюэта, возвышенная ли до ласкового жеста чувственность, как у многих итальянцев или у Моцарта, или тихая, спокойная готовность умереть, как у Баха, — всегда в этом есть какое-то "наперекор", какое-то презрение к смерти, какая-то рыцарственность, какой-то отзвук сверхчеловеческого смеха, бессмертной веселости"⁴. Идея духовности становится онтологическим основанием культуры и преобразуется в саму логику культуры.

Проблема человека как универсального смыслообразующего компонента в пространстве культуры конкретизируется у Г. Гессе в процессе анализа созерцания и творчества, их атрибутивных характеристик. Сам процесс творчества представляет собой субстанцию культуры, поэтому культура как феномен самодетерминации, самоопределения человеческого бытия и сознания, неотделима от творчества. Отсюда на передний план в творчестве Гессе выдвигается проблема, которую можно обозначить как проблему ценностного статуса духовного

творчества. Эту проблему писатель рассматривает как фундаментальный вопрос об ответственности художника перед культурной традицией. В его ранних произведениях ("Под колесами", "Гертруда", "Росхальде", "Кнульп"), написанных в явно романтическом духе, художник становился похожим на всемогущего бога, обретая в своем творческом даре способность выносить жестокость реального бытия. В романе "Петер Каменцинд" намечается самая существенная тема для последующего творчества Г. Гессе — тема разлада человека с миром. "Чем прекраснее был мир вокруг меня, тем более чуждым казался он мне, ибо я так и не приобщился к нему и находился вне его."⁵ Первая мировая война разрушила многие иллюзии Гессе. В этой ситуации он глубоко осознает проблему ответственности художника как носителя духовных ценностей. В романе "Игра в бисер" главному герою Кнехту предоставлена возможность осуществить высшую цель духовности — нравственное воспитание человека. "Лучшим из того, что принесла мне эта должность, было открытие, что не только музицирование и игра в бисер — отрадные дела, что отрадно также учить и воспитывать"⁶. Таким образом, аксиологический контекст содержательных приоритетов и нравственных императивов общества актуализирует у Гессе проблему осмысления динамики культурных традиций. Прежде всего это связано с поиском таких культурных оснований, которые позволяли бы органично соединять идеи действенно-рефлектирующего и пассивно-созерцательного сознания и служили альтернативой идеологии инструментального разума.

В творчестве Г. Гессе особый интерес представляет оценка синтеза духа и жизни в системе культуры. В этом отношении особый интерес представляет анализ творчества Г. Гессе, предположившего на основе философской интерпретации истории западноевропейской духовности одну из самых влиятельных и оригинальных концепций культурно-мировоззренческого синтеза. Проблема духовного синтеза выступает в его наследии как основная культурологически-мировоззренческая проблема. Традиционное представление о сфере художественного как синтезе духа и жизни Г. Гессе подвергает критическому анализу. Художественное формирование "человеческого образа" означало для писателя стремление к "новой осмысленности человеческой жизни, утратившей смысл"⁷, восстановление "единства души", за которым должно стоять "единство жизни". Под судьбой духа Гессе подразумевает прежде всего его кризис, а именно кризис отношения к жизни. Впервые эту тему писатель затронул в ярком произведении "Демиян", в котором поэтически созидающий дух говорит от имени неукротимой жизни, становится нетерпимым к тирании любой абсолютной нравственности и восхваляет независимую индивидуальность.

Все произведения писателя содержат попытку ответа на вопрос: возможна ли такая форма бытия духа, которая исключала бы всякую связь с жизнью; может ли дух обрести свою идеальную чистоту и целостность? В повести "Сиддхартха" осуществляется новый и важный поворот к вопросу о цели духа. Сиддхартха, современник Будды, не принимает учения учителя. По его мнению, ни одно учение не может оправдать реальность жизни, так как все они утверждают необходимость одного учения и отрицание другого. Вместо этого Сиддхартха хочет лишь любить мир, любить таким, какой он есть, — мир, существующий внутри человека и вне его. Если в "Демияне" Гессе защищал требования насущной жизни от диктата духа, то в "Сиддхартхе" ни одно из требований духа не рассматривается как ценное. В "Демияне" целью выступала совершенная индивидуальность, в "Сиддхартхе" — это любовь к миру, который безупречен в своем существовании.

В романе "Степной волк" писатель пытается разрешить вопрос: обладает ли дух реальной сущностью или он просто фантом, существующий в сознании оторванного от жизни интеллигента. В этом произведении Гессе пытается отыскать варианты выхода из вынужденной самоизоляции художника, высокая степень интеллектуальности которого делает его посторонним, враждебным реальному миру. Прорыв из мира действительного в мир возможного писатель осуществляет в повествовании "Паломничество в страну Востока". Идея духовного братства непосредственно связана здесь с универсальным пониманием культуры. "Союз посвященных" как раз и явился моделью духовных исканий Г. Гессе, поставившего перед собой цель сохранения классического гуманистического наследия. В "Паломничестве в страну Востока" Гессе делает акцент на сознательном преодолении действительности в сфере духовной деятельности,

открывает путь такой модели культуры, единственным основанием которой является свободное, творческое воображение.

"Паломничество в страну Востока" — прелюдия к самой последней и впечатляющей работе Г. Гессе "Игра в бисер". В "Игре в бисер" подлинность духа уже не зависит от каких-либо колебаний индивидуальной веры, дух собственными средствами постоянно удостоверяет свое бытие. Такой культурной моделью и стала "игра в бисер" — изощренное соотнесение структур и формул, извлеченных из разных наук и искусств, постижение общего знаменателя и общего языка культуры. Центром Игры становится республика духа — Касталия, — призванная сохранить в неприкосновенности интеллектуальную честность и накопленные человечеством духовные богатства. "Наша высшая и священнейшая задача — сохранить стране и миру их духовный фундамент, показавший себя и весьма действенным элементом нравственности... сохранение духовной честности и чистоты"⁸. В "Игре в бисер" не следует усматривать что-либо предметное, поскольку это прежде всего художественный символ, олицетворение свободной динамики человеческого духа, воображения, гармонии и универсальной связи всех вещей. "Эти правила, язык знаков и грамматика Игры, представляют собой некую разновидность высокоразвитого тайного языка, в котором участвуют самые разные науки и искусства, но прежде всего математика и музыка..., и который способен выразить и соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук. Игра в бисер — это, таким образом, игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры. Теоретически игрой... можно воспроизвести все духовное содержание мира"⁹. Значение "Игры в бисер" как результата философских поисков писателя этим не исчерпывается. Гессе показывает, что образец царства возможностей "чистого" духа в итоге оборачивается тормозом дальнейшего развития реальности. Поскольку духовная деятельность необходимо сопряжена с материалом культуры, "Игра в бисер" представляет собой окончательный, доведенный до логического абсурда, результат развития метакультуры¹⁰. Символический финал романа утверждает принципиальную невозможность для духа, созданного в искусственных условиях, претвориться в реальной среде, далекой от культивированной интеллектуальности. Касталия исполнила свое главное историческое предназначение — сохранение культуры, теперь ее надо было вернуть к жизни. Писатель делает вывод, что существенным условием целостного бытия культуры является восстановление целостного характера самой жизни, однако новый синтез жизни и духа остается у Гессе за пределами философско-эстетического эксперимента.

Таким образом, проблема человека в пространстве культуры как проблема творчества и созерцания, с одной стороны, и как проблема ценностного статуса духовной деятельности, с другой, диалектически взаимозависимы, поскольку попытка ответа на вопрос, в чем заключается предназначение человека — это путь "ведения" человека от природы к духу. Но, как всегда у Гессе, частная тема — идея природы и назначения человека в жизни — перерастает в более общую проблему: проблему человека с совокупностью всех его психических и духовных проявлений вообще.

Символичность образов, глубина смыслов и философичность изложения ставят Гессе-писателя в один ряд с Гессе-философом. Анализ наследия писателя позволяет наметить перспективы совершенствования самой техники культурологического анализа таких синкретических духовных феноменов, какими являются философско-литературные произведения. Философская методология зачастую упускает из виду, что "обоснование абстракций возможно не только формально-логическими средствами, но и с помощью различных используемых в гуманитарных науках средств: метафор, аналогий, повторов или умолчаний, аллегорий, символов, "возвышения" стиля, применения установкостереотипа, создания эмоционального настроения, с помощью самого построения текста, способа изложения и т.д."¹¹. Методология гуманитарного познания, включая в себя элементы социокультурной вариативности и субъектной ангажированности, как бы дополняет метатеоретические структуры естественнонаучного познания ценностными аспектами индивидуальной формы философствования. В этом случае происходит модификация методологических нормативов, они гораздо более органично интегрируют в своем содержании социокультурные компоненты познавательной деятельности субъекта и функциони-

Эстет как феномен культуры, важнейшее средство объективации духовного состояния эпохи.

Творческое наследие Г. Гессе, контекстуально репрезентируя драматические коллизии духовных исканий европейского человека XX столетия, является поистине уникальным объектом философско-методологической рефлексии.

¹ Бахтин М. М. // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.362, 410.

² Гессе Г. Сочинения. М., 1994. Т.3. С.245,250.

³ См.: Бердюгина Л. А., Акиндинова Т. А. Новые грани старых иллюзий. Л., 1984.

⁴ Гессе Г. Сочинения. М., 1994. Т.5. С.35.

⁵ Там же. Т.1. С.56.

⁶ Там же. Т.5. С.335.

⁷ Там же. Т.3. С.243.

⁸ Там же. Т.5. С.292.

⁹ Там же. С.10—11.

¹⁰ См.: Хуцишвили Г. Ш. // Философские науки. 1988. №12.

¹¹ См.: Микешина Л. А. // Мироззренческие структуры в научном познании. Минск., 1993.